

Голос был до боли знаком.

Из мерцающего света мужчина уверенно приближался. Его высокая фигура постепенно становилась чёткой.

Чёрное длинное пальто было слегка расстёгнуто, под ним строгий тёмный костюм того же оттенка. На шее бежевый кашемировый шарф, небрежно наброшенный и свободно ниспадающий.

Это был Лу Линь.

Янь Хэцин не ожидал увидеть Лу Линя в канун Нового года. Он на мгновение растерялся, но Лу Линь уже подошёл вплотную.

Его взгляд упал на лицо Янь Хэцина.

Вблизи бледность юноши бросалась в глаза ещё сильнее.

Придя в себя, Янь Хэцин вежливо изогнул уголки губ: “Господин Лу, вы меня искали?”

Голос Лу Линя прозвучал низко и глухо: “Есть временная работа, за которую можно списать долг за лечение. Возьмёшься?”

“Сейчас?” — переспросил Янь Хэцин.

“Сейчас”, — подтвердил Лу Линь.

Интуиция подсказывала Янь Хэцину, что работа будет непростой: “Могу я сначала узнать, в чём она заключается?”

“Составить компанию моей матери”, — взгляд Лу Линя потемнел: “У неё слабое здоровье, она уже много лет живёт в горах, почти ни с кем не общается. Твоя задача: развеселить её. Оплата втрое выше рыночной почасовой ставки”.

В памяти промелькнула фотография, которую он видел в доме Лу Линя.

Вот почему по сюжету Лу Линь никогда не ел новогодний ужин в доме семьи Лу.

Янь Хэцин немного помолчал, потом покачал головой: “Нет, не возьмусь”.

Взгляд Лу Линя потемнел, он ещё не успел ничего сказать, как Янь Хэцин вдруг поднял голову, прямо взглянув ему в глаза. На губах появилась лёгкая улыбка:

“А можно просто в гости? Поесть с вами позволите?”

Янь Хэцин поднялся наверх. Ему нужно было зайти домой. Лу Линь остался ждать у подъезда.

Провожая тонкую фигуру, скрывающуюся за дверью, Лу Линь достал телефон и набрал номер.

На том конце долго не брали трубку.

Последние годы у Лу Чжичань начал пропадать слух. Обычно ей требовалось больше времени.

Только под самый конец гудков раздался её голос:

“А Линь, ты приехал?”

“Нет, заехал за одним другом”, — ответил он.

Лу Чжичань удивилась. Друг? Это впервые. Улыбаясь, она сказала:

“Хорошо, я попрошу приготовить побольше блюд. А что он любит?”

“Домашнюю кухню, полегче и не слишком сладкое”.

Лу Линь сделал паузу: “Он молодой”.

Он специально сделал на этом акцент. Лу Чжичань стало любопытно:

“Насколько молодой?”

В этот момент в подъезде вспыхнул свет, и Янь Хэцин вышел из дома. Взгляд Лу Линя проследил за ним.

“Восемнадцать”, — сказал он.

Янь Хэцин вышел, неся в руке бумажный пакет. Увидев, что Лу Линь стоит снаружи машины, он прибавил шагу. С неба снова начал сыпаться снег. Подбежав, сказал: “Господин Лу, можем ехать”.

Лу Линь убрал телефон в карман и обошёл машину, открыв дверь на заднее сиденье.

Янь Хэцин на мгновение растерялся. Ему сесть за руль? Но у него нет водительских прав.

Лу Линь быстро развеял его сомнения: “Садись”.

И сам занял место водителя.

Янь Хэцин устроился сзади. В салоне было тепло, совсем как в другом мире, не то, что снаружи. Перед ним затылок Лу Линя, немного выступающий над спинкой кресла.

Лу Линь пристегнулся, завёл машину и выехал.

Янь Хэцин аккуратно поставил бумажный пакет к ногам. Внутри было несколько горшков с суккулентами, которые он сам выращивал. Это был подарок для матери Лу Чжичань. Сейчас всё было закрыто, и купить что-то другое просто негде.

В салоне стояла почти полная тишина, Лу Линь машинально включил радио.

Попалась случайная передача. Два актёра вели юмористический диалог, перегибая с интонацией.

Глядя в зеркало заднего вида, Лу Линь сказал: “Не нравится — переключу”.

“Не надо”, — неожиданно подняв глаза, Янь Хэцин посмотрел в зеркало: “В Новый год слушать сяньшэн (традиционный китайский жанр разговорного юмора, близкий к сатирическим миниатюрам или эстрадным монологам) очень весело”.

Лу Линь отвёл взгляд. Машина выехала из жилого комплекса и через какое-то время съехала на скоростную трассу.

Внутри всё так же звучал смех артистов. Лу Линь вновь заговорил: “Почему не остался жить там?”

“Надо было кое-что уладить, дома проще”.

Машина въехала на трассу, по обеим сторонам стояли фонари. На лобовое стекло падал снег, становилось всё белее.

“С кредиторами не столкнулся?”

“Нет”, — Янь Хэцин изогнул глаза в улыбке: “У них тоже Новый год”.

Лу Линь снова взглянул в зеркало и встретился с чистым, светлым взглядом юноши.

“Спасибо вам, господин Лу”.

У Лу Линя еле заметно дернулся кадык, он без выражения отвёл глаза:

“Ты уже говорил”.

“Это спасибо за сегодня”, — Янь Хэцин мягко улыбнулся: “На самом деле сегодня мне было тяжело. И когда вы пригласили меня к себе на Новый год я очень обрадовался”.

Лу Линь почувствовал лёгкое першение в горле, но подавил его.

“Почему тяжело?”

“Очень скучаю по некоторым людям”, — Янь Хэцин наконец отвёл взгляд, посмотрел в окно. За стеклом редкие отблески фонарей, а в остальное время сплошная тьма и тишина.

На радио сяньшэн подошёл к кульминации, в зале раздался дружный смех и аплодисменты.

Дальше по дороге оба молчали.

После съезда с трассы они ещё немного ехали в гору. В горах было тихо и спокойно, только на одном участке, на половине склона, горел свет.

Они остановились у виллы. Снег здесь шёл гораздо сильнее, чем в городе, крупными хлопьями он сыпался вниз. Янь Хэцин закрыл бумажный пакет, вышел из машины и поднялся по ступенькам.

Лу Линь опустил стекло наполовину: “Иди в дом, я пока загоню машину в гараж”.

В этот момент за спиной раздался звук открывающейся двери, и свет озарил ступеньки. Тут же послышался доброжелательный женский голос: “Здравствуй, малыш”.

Янь Хэцин обернулся и увидел измождённую до предела женщину. Казалось, на ней только кожа да кости. Она сидела в инвалидном кресле, в тёплой шапке, лицо её было бледным.

Он сразу узнал в ней женщину с фотографии.

Это была мать Лу Линя.

Янь Хэцин вежливо поклонился: “Здравствуйте, меня зовут Янь Хэцин”.

Лу Чжичань поманила его рукой: “Подойди ближе”.

Янь Хэцин не понял, в чём дело, но всё же сделал несколько шагов вперёд, наклонился: “Да, я вас слушаю”.

Теперь Лу Чжичань смогла рассмотреть его как следует. Она улыбнулась: “Имя тебе очень подходит”.

И вправду совсем молодой, даже младше Лу Мучи лет на пять.

Сухая, хрупкая ладонь мягко похлопала Янь Хэцина по плечу: “Скорее заходи, на улице холодно”.

Он последовал за ней в дом. Слуги уже подготовили тапочки для гостя, везде было включено комфортное напольное отопление. Янь Хэцин переобулся, снял пальто и прошёл в гостиную. Там он достал принесённый подарок:

“Это мои суккуленты. Надеюсь, они вам понравятся”.

Всего было четыре горшка.

Розовая эчеверия “Голубка”, пёстрая ягода, снежная “яшмовая капля” и пёстролистный денежный стебель. Все растения были высажены в белые фарфоровые горшочки. Каждое выглядело живым и бодрым.

Лу Чжичань с радостью разглядывала их. Она взяла в руки розовую “Голубку” и не могла оторваться: “Какая прелесть! Обязательно буду ухаживать за ними как следует”.

Янь Хэцин всё ещё держал бумажный пакет. Слуга хотел его взять, но Янь Хэцин с улыбкой покачал головой, и тот тоже улыбнулся в ответ, больше не настаивая.

В прихожей раздался звук захлопнувшейся двери, и вскоре вошёл Лу Линь.

Кроме пальто и шарфа он снял и пиджак от костюма, на нём осталась только светло-коричневая рубашка в тонкую полоску. Идя по коридору, он расстёгивал запонки. Лу Чжичань подняла маленький цветочный горшок: “А Линь, посмотри какой красивый подарок мне сделал Хэцин!”

Лу Линь взглянул на горшочек с розовым растением.

Надо признать, выращен он был действительно хорошо.

Он снял часы и посмотрел на время, было уже больше восьми. Он положил их на поднос для хранения на маленьком столике у стены и направился в столовую: “Давайте ужинать”.

Лу Чжичань всё никак не могла оторваться от подарка, долго вертела его в руках, прежде чем всё же поставить на место.

Потом она вдруг многозначительно подмигнула Янь Хэцину:

“Я тоже приготовила тебе маленький подарок на обеденном столе”.

Когда все подошли к столу, Янь Хэцин понял, что подарком было блюдо: креветки в ананасе с жареными палочками ю тiao.

Слуга с улыбкой сказал:

“Это блюдо госпожа приготовила лично. В прошлый раз она готовила что-то... лет десять назад”.

Лу Чжичань улыбнулась и покачала головой: “Не совсем я. Стоять-то я не могу, так что подготовила ингредиенты, а в конце всё просто перемешала. Остальное всё равно делал повар”.

Она посмотрела на Янь Хэцина: “А Линь сказал, ты не любишь слишком сладкое. Это блюдо не сладкое. Оно с кисло-сладким вкусом”.

Янь Хэцин знал это блюдо. В свадебном меню у Се Юньцзе оно тоже было. Готовить его несложно, но подготовка занимает много времени: нужно каждую креветку вручную завернуть в разрезанное ю тiao. Это блюдо особенно любят дети.

Остальные блюда оказались неожиданно простыми. Всё из домашней кухни.

Спаржа в бульоне, тушёная свинина с абалоном, паровые говяжьи рёбрышки, салат из огурцов с чайными грибами, тушёные креветки с абалоном, суп из свиных рёбрышек с кокосом, курица в винном соусе, “золотые” яйца, жареный слабосолёный илуи (жёлтая рыба), тушёные рёбрышки с каштанами, крабы с рисовыми клецками.

А ещё была кастрюля супа из мятного отвара с машем.

Слуга налил чашку, и Лу Чжичань первой протянула её Янь Хэцину. Она внимательно посмотрела на него: “Ешь больше мяса, ты слишком худой”.

И, воспользовавшись общими палочками, положила ему в тарелку большой кусок говяжьих рёбрышек.

Янь Хэцин в это время смотрел на мятный суп с машем. Кроме его родного края, он нигде не видел, чтобы в суп из маша добавляли мяту.

Он поднял чашку и залпом выпил половину. Первой заговорила Лу Чжичань: “Нравится? Это рецепт из моего родного края, особенно хорошо помогает от чувства тяжести. Лучше всего пить летом и на Новый год”.

Янь Хэцин спросил: “Ваш родной край не столица?”

“Не совсем”, — ответила Лу Чжичань: “Моя родина на юге. Но я с рождения была слабенькой, если в дороге больше получаса — начинается приступ, далеко ездить не могу”.

Она слегка вздохнула: “Так ни разу и не вернулась. А вот А Линь был там дважды”.

Бабушка и дедушка Лу Линя скончались один за другим. Их последним желанием было вернуться на родину, быть похороненными там вместе. Обе поездки Лу Линь организовывал сам.

Янь Хэцин взялся за палочки и подцепил кусок говяжьей грудинки. В этот момент в его тарелку легли ещё одни общие палочки.

Это был кусочек жареной ю тiao, фаршированной креветочным фаршем.

А следом кусочек ананаса.

Янь Хэцин поднял взгляд, а Лу Линь уже спокойно убирал палочки: “Я пробовал — не слишком сладко”.

В прошлый раз, в офисе Лу Линя, он говорил, что “свинина в пекинском соусе” слишком сладкая.

Янь Хэцин молча жевал говяжью грудинку, потом взял ю тiao. Оно было покрыто специальным соусом: смесью салатной заправки и сгущёнки. Сладость была едва уловимой, хруст ю тiao, сочность креветочного фарша, плюс кисло-сладкий ананас — всё это действительно возбуждало аппетит и было вкусно.

Он сам потом ещё несколько раз положил себе это блюдо.

После ужина, по обыкновению, Лу Чжичань должна была идти отдыхать.

Но сегодня она была в особенно хорошем настроении. Задержалась на два часа дольше.

Ей очень нравилось слушать, как говорит Янь Хэцин: юношеский голос у него был чистый, сдержанный, спокойный и ровный — слушать было одно удовольствие.

Янь Хэцин знал, что Лу Чжичань провела десятилетия, восстанавливая здоровье в горах, и почти не соприкасалась с внешним миром. Поэтому рассказывал ей немного приукрашенные истории из своего опыта на подработках.

Лу Линь ушёл на кухню, а вскоре вернулся с тарелкой фруктов.

Лу Чжичань после ужина не могла есть фрукты, так что на тарелке была только черника.

Лу Чжичань слушала так увлечённо, что когда пришла в себя, была уже почти полночь. Она прошептала: “Вот и ещё один год прошёл...”

Она говорила совсем тихо, Янь Хэцин не расслышал и подошёл ближе: “Простите, что вы сказали?”

В глазах Лу Чжичань появилась улыбка. Она мягко взяла Янь Хэцина за руку, обхватила ладонь обеими руками, лицо её светилось теплотой:

“Я сказала, в полночь будут новогодние фейерверки. Целых десять минут. В саду есть местечко, откуда весь фейерверк видно без преград. Это лучшее место для наблюдения. Каждый год кто-нибудь даже предлагает заплатить, чтобы попасть туда. Сейчас А Линь отведёт тебя посмотреть”.

Она хлопнула Янь Хэцина по тыльной стороне ладони, затем отняла руку и с лёгкой улыбкой сказала: “Я устала, пойду в комнату отдохнуть”.

Лу Линь собирался проводить её, но Лу Чжичань сама направила инвалидное кресло: “Тут совсем недалеко, я справлюсь. А ты, вот что: хорошо побудь с Хэцином”.

Лу Чжичань ушла в свою комнату, и в гостиной снова воцарилась тишина.

За панорамными окнами уже слышались первые звуки. Скоро будет полночь.

Лу Линь сделал шаг к выходу: “Пошли”.

Янь Хэцин встал, взял бумажный пакет и пошёл за Лу Линем.

<http://bllate.org/book/15726/1407460>